

Секция «44.21 Правовая информатика, информационное и цифровое право»

Цифровизация правосудия в России и КНР: сравнительно-правовое исследование

Научный руководитель – Осина Дина Матвеевна

Базарова Аюша Чингисовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный институт международных отношений,

Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: ayusha.bazarova@bk.ru

Цифровая трансформация судов — одно из приоритетных направлений в развитии современного государства и общества. Россия развивает концепцию электронного правосудия, тогда как КНР внедряет модель «умных судов» (Smart Courts) с активным использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ). Актуальность исследования – определить допустимые границы применения ИИ в судопроизводстве на основе опыта двух стран. Цель работы – изучить нормативные и этические аспекты функционирования цифровых судебных сервисов КНР и России и выявить различия в подходах.

Необходимо разграничить понятия электронного и цифрового правосудия. В России функционируют ГАС «Правосудие» и система «Мой Арбитр», автоматизирующие документооборот и процессуальные действия (подача документов, СМС-уведомления, видеоконференцсвязь). Как отмечает Д. А. Кононов, в отечественной доктрине отсутствует единый подход к пониманию электронного правосудия, что усугубляется появлением новых терминов. Так, В. В. Момотов предлагает разграничивать «электронное правосудие» (форма хранения информации) и «цифровое правосудие» (свойство среды) [1]. Это позволяет рассматривать электронное правосудие как вспомогательный механизм, упрощающий взаимодействие, но не влияющий на содержание судебных актов.

Китайская модель ориентирована на формирование «умного суда», где ИИ задействуется не только для обработки информации, но и для интеллектуального подбора так называемых руководящих судебных дел (Guiding Cases), которые выполняют функцию ориентиров для нижестоящих судов и способствуют унификации судебной практики, содействия в составлении документов и даже предсказания результатов разбирательств [2]. Судьи в КНР обязаны консультироваться с ИИ, и в случае расхождения с его рекомендацией — письменно обосновывать свою позицию [3]. Это сохраняет судебское усмотрение, но алгоритмизация начинает существенно влиять на содержание судебных актов, особенно в стандартных категориях споров.

Сравнительный анализ опыта двух стран выявляет различия в том, как каждая страна реализует принцип процессуальной экономии судопроизводства. Россия декларирует эту цель, внедряя электронные сервисы, но, автоматизация не гарантирует эффективности: электронная подача документов зачастую требует их дублирования на бумаге, что создает дополнительную нагрузку вместо ее снижения. Ситуация усугубляется технологическим отставанием: по данным Счетной палаты, ГАС «Правосудие» работает на устаревшем ПО, а ее компоненты используются лишь частично из-за отсутствия стратегии и целевого финансирования [4].

Китайская модель, в свою очередь, демонстрирует последовательное движение к полной цифровизации. Как указывает А. В. Даньшин, «умные суды» работают преимущественно онлайн, а использование ИИ позволяет существенно сократить сроки рассмотрения дел, реализуя принцип процессуальной экономии [2]. Однако платой за такую эффективность становится угроза для другого фундаментального принципа – непосредственности исследования доказательств. Как отмечают О. Б. Бальчиндоржиева и ее соавторы,

существует риск, что личное восприятие доказательств подменяется их формальной проверкой алгоритмом [3]. Китайский законодатель пытается смягчить этот риск: даже в отношении технологии блокчейн Верховный народный суд КНР сохраняет за судьей право окончательной оценки подлинности материалов [2]. Тем не менее, сама логика «умного суда», где все этапы процесса фиксируются цифровой системой, порождает иную проблему – риски тотального контроля за судьями, что противоречит принципам их независимости и беспристрастности [3].

Таким образом, можно прийти к выводу, что применение ИИ в российском судопроизводстве должно учитывать ст. 118 Конституции РФ: правосудие осуществляется только судом. Это предполагает использование ИИ для вспомогательных и аналитических функций (не для замещения судейского усмотрения): автоматизированной проверки формальных требований к электронным документам (наличие подписи, приложений) – для реализации принципа процессуальной экономии; интеллектуального поиска судебной практики – для повышения качества аргументации; прогнозирования нагрузки судей – для оптимального распределения дел. В отличие от китайской модели, где ИИ выступает «советником», влияние которого судья обязан преодолевать обоснованием, российский подход рассматривает технологии исключительно как вспомогательный инструмент. Именно он, сохраняя итоговое решение за человеком, по нашему мнению, на сегодняшний день в наибольшей степени соответствует природе судебной власти и гарантирует справедливость правосудия.

Источники и литература

- 1) Кононов Д. А. Электронное правосудие в гражданском и арбитражном процессе в условиях цифровизации // Международный академический журнал. – 2025. – №5.
- 2) Даньшин, А. В. Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики / А. В. Даньшин // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – Т. 9, № 1. – С. 125–137.
- 3) Бальчиндоржиева, О. Б. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт / О. Б. Бальчиндоржиева, А. Н. Мяханова, Д. В. Сапкеев // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2023. – Вып. 3. – С. 70–76.
- 4) Счетная палата предлагает повысить эффективность судопроизводства: для начала аудиторы рекомендуют улучшить цифровизацию судебной системы // Парламентская газета: [сайт]. – 2025. – 15 мая. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/schetnaya-palata-predlagaet-povysit-effektivnost-sudoproizvodstva.html> (дата обращения: 09.03.2026).